

А.В. Дулов

РУССКОЕ ПОЛЕ

За более чем тысячелетнюю историю земледелия в дореволюционной России крестьянством был накоплен ценный опыт возделывания сельскохозяйственных культур. Развитие земледелия зависело от природных (климат, почва, тип ландшафта, сами сельскохозяйственные растения и т.д.) и социальных (характер общественного строя, внешнеполитические события и т.д.) условий. Но главной определяющей силой был все же труд земледельца, который стремился использовать благоприятные природные факторы и бороться с неблагоприятными, постепенно изменял природу, приспособлявая ее к своим нуждам и потребностям.

Десять веков спустя

Допустим на миг невероятное: пахарь Киевской Руси вдруг оказывается в той же местности в начале XX в. Как вы думаете, узнал бы он ее? Вряд ли. Слишком многое изменилось. Расширились границы полей, на некоторых из них растут неизвестные древнему русичу растения, сузился и поредел лес, в нем стало больше берез и осин, меньше вековых деревьев — дуба, вяза. Поле пересекает овраг, которого не было раньше. Речка, пожалуй, и похожа на прежнюю, но вон на ней пруд, образованный плотиной, около нее — какое-то диковинное сооружение, в котором вода вращает огромное деревянное колесо. Сама речка стала поуже и помельче, и в ней не найдешь такой большой рыбы, какую ловил наш русич X в.

И в какой бы местности Европейской России не жил земледelec, он нашел бы крупные перемены в природной среде: в иных районах очень сильные, в других — менее резкие, но почти везде — заметные и серьезно изменившие прежний облик знакомой ему местности.

Благодаря многовековому труду земледельцев типичный ландшафт Восточной Европы стал иным. Лесов стало гораздо меньше, густые дебри лесной полосы были «высечены», и господствующим

типом ландшафта стал ландшафт, напоминающий лесостепной. Если в период Киевской Руси лес занимал не менее 55% площади Европейской России, то к 1914 г. этот процент уменьшился до 33. Зато поля стали занимать значительно большую часть территории: 8% в конце XVII века, до 30% — перед Октябрьской революцией. Леса, особенно в XIX столетии, активно вырубались и в лесостепной зоне, что привело к иссушению почвы, распространению оврагов, повышению сухости климата в этой зоне. На юге Европейской России участились засухи, начались пыльные бури (первая пыльная буря, охватившая значительные пространства, была в 1884 г.).

Но природные условия, которые сильно влияли на жизнь крестьянина, изменял не только человек. В разные исторические периоды «русское поле» было щедрее или скупее также из-за того, что войны и другие политические события то расширяли, то сужали границы России, и русский земледелец то имел возможность сесть в более плодородных местностях, то терял ее.

Первые века истории России... Южные княжества Киевской Руси находились в зоне лесостепи, жители старались заселять плодородные участки, свободные от леса, с черноземами или серыми лесными почвами. Климат здесь мягкий, хлеба быстро поднимаются в рост, можно разводить и такие теплолюбивые растения, как сливы и дыни. Особенно много плодородных «ополий» — участков степи — было на юго-западе — в Галицко-Волынской земле. Лишь изредка земледельцы углублялись в чашу леса, «рассекали» (вырубали) его, распахивали поляну и превращали ее в полевую землю.

В северных землях Руси (Смоленской, Новгородской, Владимиро-Суздальской), занимавших обширные лесные пространства, жизнь пахаря была во многом иной. Климат здесь холоднее, короче период полевых работ — 4–5 месяцев вместо 6–7 на юге. Высокой стеной стояли здесь дремучие леса; огромные вековые деревья — сосны, ели, березы, клены, дубы, вязы, опутанные густыми зарослями кустарников, местами сплетались друг с другом. Иногда даже страшно было подступить жителю древней Руси к такому темному дремучему лесу, в котором водилось множество хищных зверей. Как и в Южной Руси, крестьянин лесной полосы старался пахать на местах, самой природой освобожденных от леса. На десятки километров тянулись такие чудом заброшенные природой

на север участки лесостепи, и жители, слышавшие о необычайном для этих районов плодородии почв, уже в XI–XII вв. довольно плотно заселили их. По краям ополей возникли древнейшие города Северо-Восточной Руси — Ростов, Суздаль, Владимир.

Но таких ополей в лесных районах Руси было все же мало, а в Новгородской и Смоленской землях — не было совсем, и человек должен был отвоевывать пашни у леса.

Проходит несколько веков, и уже в XVI в., в первые десятилетия после образования централизованного государства со столицей в Москве «русское поле» выглядит иначе. Южных, наиболее плодородных и теплых районов в Московской Руси XVI в. не было. Не было поэтому и теплолюбивых растений, например, арбузов и винограда. Пахари растили хлеб только в лесной полосе. Правда эта лесная полоса тоже изменилась — Волжско-Окское междуречье, вокруг которого объединилось русское государство, не было теперь уже тем почти сплошь лесным краем со «злыми лесами и болотами», каким оно было в XI–XII вв. К этому времени русский земледелец сумел заметно проредить густые леса, построить много сел и городов ...

В XIX–начале XX вв. границы «русского поля» значительно раздвинулись. Русский крестьянин пахал землю в самых различных по своим природным условиям районах — и на подзолах Северного Поднепровья, Волго-Окского междуречья и Подвинья, и на серых лесных почвах Прикамья, и в благодатных для земледелия районах Черноземного Центра, Нижнего Поволжья, Украины; и в холодной, но местами обладавшей плодородными почвами Сибири. Крестьяне всех этих местностей были поставлены в неравные условия. На самые тяжелые работы — вспашку, боронование, вывозку удобрений — в нечерноземной полосе тратилось гораздо больше времени, чем в черноземной. Вот что говорил об этом современник, сравнивавший условия обработки почвы на Верхней и Нижней Волге: «песчаные, хрящеватые и иловатые пашни (в верховьях Волги) поистине крестьян делают тружениками, ибо где кучка навозу, там и кучка хлеба, как говорят крестьяне. В то время, когда низовые мужики, посеяв яровое, отдыхают, верховые удобряют свою озимую пашню навозом ... Низовой крестьянин всю зиму даже до ярового посева бывает свободен и отправляет только домашние надобности: верховый, напротив того, удобря-

ет в великий пост свою яровую пашню. Низовый довольствуется одним боронованием; верховый дважды сию работу отправлять принужден бывает, первый под пар, а другой под посев». Для того чтобы собрать одно и то же количество хлеба, крестьяне самых северных земледельческих районов должны были затратить в 4–5 раз больше усилий, чем в самом благоприятном для земледелия районе — Юго-Западной Украине.

Дающие жизнь

«Жито», — то есть «дающий жизнь», — так называли главный хлебный злак княжества в Киевской Руси. Земледелие было важнейшим занятием населения. Восточные славяне выращивали много культур, хорошо знакомых и нам: рожь, овес, пшеницу, ячмень, просо. На огородах наших далеких предков росли огурцы, свекла, морковь, капуста, лук, чеснок, репа, горох. Знали древние славяне и технические культуры: лен, коноплю, хмель, мак. Всего в Киевской Руси возделывалось более 30 видов растений.

Рожь тогда была культурой «молодой»: в русских землях ее стали выращивать в VIII–X вв. До этого рожь считалась сорняком в посевах пшеницы, и земледельцы стремились от нее избавиться. Новое культурное растение оказалось поистине кладом, особенно для жителей лесной полосы: оно почти столь же вкусно и питательно, как и пшеница, но менее требовательно к плодородию почвы и теплу. Рожь даже и при примитивной сельскохозяйственной технике могла давать более или менее устойчивые урожаи.

Способы обработки почвы сильно отличались от современных. В северных, лесистых княжествах было распространено подсечное земледелие. Трудная это была работа! Весной или летом топорами «подсекали» лес: подрубали или совсем срубали деревья и их стволы высыхали целый год. Следующей весной на участок волокли сухие сучья, валежник. Вспыхивал огонь, и пламя жадно пожирало сухое дерево. Прогорал даже верхний слой почвы. Затем, вооружившись мотыгой, крестьяне корчевали пни и корни и бросали в почву зерна. Первый урожай обычно радовал всех. Крестьяне собирали в 10–30 раз больше того количества зерен, которое они сеяли. А ведь те урожаи, которые были обычными для русского крестьянина XVII–первой половины XIX вв., давали всего «сам-3»–«сам-4» (5–6 центнеров с гектара).

Когда на том же поле сеяли вторично, урожай значительно снижался: выжженная почва спекалась, плохо пропускала влагу и воздух, ценные питательные вещества были уже взяты первым богатым урожаем. После третьего урожая поле, с таким трудом отвоеванное у леса, обычно забрасывали: оно уже почти ничего не могло дать. Теперь надо было готовить новое поле.

Подсечное земледелие было все же малопродуктивным, поэтому в XI–XIII вв. в северных русских княжествах основной системой земледелия была переложная или залежная система. Поле засеивали два–три года подряд, а затем земля несколько лет отдыхала. Поэтому каждая деревня имела несколько полей. Земли, которые никогда не зарастали лесом, назывались старопахотными, и их в Северной Руси начала XII в. было много.

Для обработки почвы применялось близкое к плугу рало в южных княжествах, а в северных лесных районах — соха. Соха была более легким орудием; ее было удобнее применять на севере, где после подсеки в почве нередко оставались пни и корни, попадались камни — обломки ледниковых валунов. Поэтому при пахоте часто приходилось приподнимать ее, или обходить препятствие.

Южнорусское рало было более тяжелым орудием; оно не просто рыхлило землю, как соха, но и полностью оборачивало пласт. И рало, и соха были деревянными, но части, которыми взрыхляли почву, делались из железа. Обработка почвы была поверхностной: глубина вспашки достигала всего 10–12 см.

В XVI–XVII вв. крестьянин использует землю не так, как прежде, а гораздо активнее. Переложная и подсечная системы применяются главным образом на окраинах страны, там, где много свободной земли или леса. Теперь господствует трехполье, земля используется экономнее и лучше вознаграждает крестьянина. Все обрабатываемые земли делятся на три примерно равные части. Паровое поле пусто, а осенью на нем сеют озимый хлеб (обычно рожь); озимое поле занято посеянной еще осенью рожью, на третьем поле, яровом, сеяли чаще всего овес. Чередование культур на полях повышало их плодородие: при посеве на поле одного злака подряд несколько лет урожаи постепенно снижаются, а некоторые растения, например, лен, даже погибают совсем. Разные же культуры по-разному используют питательные вещества почвы, берут их с разных глубин, и чередование посевов помога-

ет поддерживать плодородие почвы. Смена культур была полезной и для борьбы с сорняками, которым трудно было привыкать к новым «соседям». Трехполье не могло существовать без удобрения почвы. Если в Киевской Руси почва удобрялась редко, то в XVI в. в нечерноземных районах становится правилом удобрение почвы навозом. Крестьяне иногда специально держали скот, зная, что без удобрения не будет и урожая.

Изменилась система земледелия — изменилось и значение разных сельскохозяйственных растений. В Киевской Руси важную роль в посевах играли пшеница и просо, хорошо росшие и в южных княжествах, и в северных, где для них имелись отличные условия на гаях после подсеки. Появилось трехполье, и пшеницу и просо стали сеять гораздо реже. Чаще всего на полях можно было увидеть рожь и овес, немного реже — ячмень, славившийся своей морозостойкостью, и господствовавший поэтому в Двинском крае и Беломорье, горох. В более южных районах выращивали гречиху и пшеницу.

Житель древней Руси был бы очень удивлен, увидев в полях, садах и огородах русского крестьянина начала XX в. новые, диковинные для него растения. Земледелец Киевской Руси знал всего тридцать с лишним видов сельскохозяйственных культур; крестьянин середины XIX в. — свыше ста десяти, а крестьянин начала XX в. — более ста пятидесяти видов культур. Хотя древнейшие сельскохозяйственные растения — рожь и овес и в начале XX в. высевались очень часто, многие из новых культур завоевали серьезные позиции. Таковы «эмигранты» из Америки — кукуруза и табак, проникшие в Россию в XVII в., картофель и помидоры, подсолнечник, распространившиеся лишь в XIX в. В XVII–XVIII вв. в России появилась цветная капуста и редис, привезенные из стран Средиземноморья, а на юге страны — баклажаны, доставленные из Индии. В южных губерниях России в начале XX в. гораздо чаще стала сеяться пшеница.

Изменились к 1917 г. и сельскохозяйственные орудия крестьян. По-прежнему, основным средством обработки почвы была соха в различных модификациях. Богатые и зажиточные крестьяне пахали обычно плугом, борозда которого углублялась до 30 см, иногда применяли даже сельскохозяйственные машины. Другие орудия труда — серп, борона, грабли — мало отличались

от древнерусских. Основной системой земледелия оставалась все та же «трехполька»; более совершенные виды севооборотов были редкими. На полях стали вносить больше удобрений; началось применение минеральных туков.

«Царь-Град»

Где бы ни жил русский крестьянин, какие бы культуры он ни сеял, всюду он с беспокойством ждал, какая будет погода. От нее зависело многое. В южных районах страшнее всего была засуха, губившая хлеб на корню. Часто в засушливое время на горизонте вместо долгожданных грозовых туч показывались тучи саранчи, летевшей большими массами и уничтожавшей урожай на огромных пространствах. В северных губерниях урожаю вредили весенние или осенние заморозки, слишком обильные дожди. Почти в любой местности посевы могли пострадать от града. Особенно сильным было градобитие 27 мая 1843 г., когда град выпал на обширной территории — от Прибалтики и Москвы на севере до Тирасполя и Херсона на юге. В Калужской губернии градины достигали величины грецкого ореха, в Московской, Смоленской и Минской — куриного яйца, а в Херсонской губернии вместе с градинами выпадали иногда огромные куски льда. На больших площадях был истреблен урожай, отмечено много случаев гибели скота, тяжелых ранений людей.

Страх перед стихийными бедствиями вечно преследовал крестьянина и раньше — во времена Киевской и Московской Руси, и позже — в XIX в., и в начале двадцатого. Неурожаи, возникавшие из-за резких изменений погоды, часто приводили крестьянское хозяйство к катастрофе. В годы неурожая крестьяне вынуждены были есть мякину, кору, подмешивать в хлеб картофель, употреблять любые суррогаты хлеба, лишь бы как-нибудь выжить. Иногда вымирали целые деревни. Люди гибли не только от голода, но и от эпидемий, легко поражавших ослабленных голодом людей. Неурожайные годы были особенно страшны в первые века истории России. При голоде в одной местности трудно было подвезти хлеб из тех мест, где урожай был лучше — мешали и плохие дороги, и раздробленность страны, и враждебные отношения соседних княжеств. В XVII–XVIII вв. стало легче оказывать помощь голодающим, и неурожай реже вызывает массовую гибель населения.

Однако и в древней Руси, и в XIX в. крестьянин с тревогой смотрел на небо, стараясь разгадать, какой будет погода в ближайšie дни и недели, как повлияет на урожай, даст ли возможность выполнить необходимые работы. Каждый ясный день в самое напряженное время работ — в июле-сентябре — надо было использовать сполна, лишь бы успеть выкосить сено и просушить его, убрать яровые, посеять озимые.

В это время нередко на поле можно было увидеть странную процессию: поп, дьячок, церковный староста, крестьяне несут крест и иконы и молятся, чтобы пошел дождь. Доходило и до явных нелепостей. В мае церковь отмечала праздник «возрождения Царьграда» (Константинополя), и в XIX в. во многих деревнях в этот день молились «царю-Граду», чтобы он не истребил градом крестьянских посевов! Однако народ понимал, что молитвы мало помогают делу, и поэтому каждый земледелец знал множество примет, позволявших иногда предсказать погоду, помнил, когда и на какой земле следует сеять любую культуру.

Один — с сошкой, семеро — с ложкой

Хотя природные условия сильно влияли на все стороны хозяйственной жизни хлебороба, очень часто еще более важными оказывались влияния, связанные с законами и потребностями общества. Так, казалось бы, самые высокие урожаи крестьянин должен был бы собирать где-нибудь на Украине, а самые низкие — в северных районах. Оказывается — нет. В первой половине XIX в. наивысшая урожайность в России наблюдалась в прибалтийских губерниях с их подзолистыми почвами и нежарким климатом — сам 4,6. Самая низкая урожайность была тоже в нечерноземных районах — на северо-западе, т.е. Петербургской, Новгородской, Псковской губерниях, и центральном нечерноземном районе. В обоих этих районах хлеб родил сам-2,7. Средняя же урожайность по России была сам-3,5. На Севере каждое посеянное зерно давало 3,4 зерна.

Чем же объясняются такие неожиданные итоги? В Прибалтике крепостное право было уже ликвидировано, и поэтому крестьяне гораздо тщательнее обрабатывали почву, чем в других районах. Работая на помещика, крестьяне никогда не трудились в полную силу, и при обработке своей земли производительность их труда была выше в два раза. Кроме того, и сама система земледелия при

крепостном праве, зависимость крестьян от помещика, необходимость вести хозяйство именно такими средневековыми методами, какими работали уже много лет, и какими требовал трудиться помещик, не позволяли крестьянам возделывать землю лучше, совершенствовать агротехнику. На севере помещиков и помещичьих крестьян почти не было. Землю там обрабатывали тщательно и потому, что ее там было мало, а хлеб можно было продать по высокой цене. Поэтому и там урожай был неплохим. В начале XIX в. условия крепостного права мешали хорошо обрабатывать землю, тот поверхностный слой почвы, который вспахивали тогда крестьяне, выпахивался, терял ценные питательные вещества, и урожаи в последние десятилетия крепостного права стали постепенно падать. Если в конце XVIII в. каждое зерно посева давало в среднем 4 зерна, то к середине XIX в. урожайность упала до сам-3,5.

В 1861 г. крепостное право было отменено, хотя и на трудных для крестьян условиях: часть крестьянских земель была отрезана в пользу помещиков, большинство бывших крепостных должно было вносить в течение десятков лет платежи за свое «освобождение». Но все же основная масса крестьян, освободившись от подчинения помещику, получила возможность вести хозяйство по-новому. Постепенно урожайность стала расти, и за полвека увеличилась более чем в полтора раза. Однако это не значит, что крестьяне стали гораздо богаче. Основные выгоды от роста урожайности переходили в руки помещиков, на которых продолжала работать значительная часть крестьян, и кулаков, богатевших за счет малоземельных и безземельных крестьян.

Кроме того, крестьян разоряли различные подати и налоги, которые, как и прежде, шли на содержание царской семьи, церкви, чиновников. Недаром в народе говорили об этом: «Один — с сошкой, семеро — с ложкой».

Поэтому многие крестьяне, как и раньше, с трудом сводили концы с концами. Осенью и в начале зимы, после сбора урожая, все имели хлеб, почти все хорошо питались. Но вот кончается зима, идут весенние месяцы, и жить становится труднее. Сначала семья прекращает печь хлеб из чистой ржи; к ней добавляются мякина, солома. Затем хлеба становится еще меньше, и крестьянин берет хлеб в займы у местных богачеев, обязываясь взамен работать на них летом бесплатно. Если и это не спасает, кто-нибудь из семьи

идет «в кусочки» — стучать в дома зажиточных хозяев и собирать кусочки хлеба в сумку. В неурожайные годы зимой и весной нищенствовала значительная часть крестьянства. Трудно было кормить зимой и скот, и крестьяне иногда продавали лошадей осенью и вновь покупали их в начале лета. Плохо прокормленный зимой скот слабел и ко времени появления первой травы еле передвигал ноги. Поэтому говорили, что крестьянские лошади относятся к «тасканской породе», потому что весной они не могут выйти на пастбище, и на первую траву их приходится вытаскивать.

В начале XX в. положение крестьян несколько улучшилось. В 1905 году были полностью отменены выкупные платежи по крестьянской реформе. Способствовал улучшению дел в сельском хозяйстве и комплекс мер, разработанный Председателем Совета министров России П.А. Столыпиным. Крестьянам было разрешено выходить из общины, переселяться на хутора, получая в полное распоряжение земли, расположенные в одном массиве. В результате за 1906–1914 гг. появилось около 7 млн новых мелких собственников земли, которые стали тщательнее обрабатывать свое поле. Более 3 млн крестьян переехали в Сибирь. Для облегчения устройства на новых местах им выделяли полевые участки и денежные ссуды, освобождали от воинской повинности. В Сибири выросли тысячи новых сел, во много раз увеличился вывоз хлеба, мяса и масла, в европейские губернии и за границу.

В стране за 1906–1912 гг. в четыре раза возросло количество сельскохозяйственных машин. Средняя урожайность хлебов за эти годы поднялась на 10–15%, а на частных наделах была еще выше, достигнув 10 центнеров с гектара. Повысилась товарность земледелия. В 1914 г. в России действовало более 31 тыс. крестьянских кооперативов: кредитных, потребительских, различных товариществ и артелей. Они помогали крестьянам сбывать свою продукцию по оптимальным ценам, снабжали их промышленными товарами, машинами, удобрениями, одеждой и обувью.

Хотя общий уровень сельского хозяйства России был ниже, чем в передовых странах Европы, но в начале XX в. оно развивалось достаточно быстро. Первая мировая война 1914–1918 гг., а затем и другие политические потрясения прервали подъем народного хозяйства в стране и решающим образом изменили условия его дальнейшего существования.